
DOI 10.15826/QR.2016.1.142

УДК 342.843+340.130.5+316.351

**«НА 20 РАБОЧИХ – 120 ПОПОВ...»:
НЕПРОЛЕТАРСКИЕ СЛОИ НАСЕЛЕНИЯ НА ВЫБОРАХ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-е гг.**

Марина Саламатова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления,
Новосибирск, Россия

**“120 PRIESTS PER 20 WORKERS”:
NON-PROLETARIAN POPULATION IN THE ELECTIONS
OF 1920s SOVIET RUSSIA***

Marina Salamatova

Novosibirsk State University
of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia

The author studies the participation of the non-proletarian urban population in elections during the New Economic Policy in Soviet Russia. The analysis of the urban population's participation in election campaigns is made referring to a wide range of sources, materials of official statistics, Soviet press, unpublished archival documents kept in Russia's central and regional archives. An analysis of typical documents of the highest and central Soviet and party bodies (order documents, protocols and resolutions, reports, statements and informational documents) retrieved from the funds of the People's Commissariat of Internal Affairs, All-Russian Central Executive Committee, Central Committee of the Soviet Party as well as sources of personal character (voters' complaints about

* *Citation:* Salamatova, M. (2016). “120 Priests per 20 Workers”: Non-Proletarian Population in the Elections of 1920s Soviet Russia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 79–102. DOI 10.15826/QR.2016.1.142.

Цитирование: Salamatova M. “120 Priests per 20 Workers”: Non-Proletarian Population in the Elections of 1920s Soviet Russia // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 79–102. DOI 10.15826/QR.2016.1.142 / Саламатова М. «На 20 рабочих – 120 попов...»: непролетарские слои населения на выборах в Советской России в 1920-е гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 79–102. DOI 10.15826/QR.2016.1.142.

election irregularities) enables the author to reconstruct models of electoral behaviour of non-proletarian strata of the population, and the peculiarities of their relations with the authorities during the 1920s. The article introduces previously unstudied materials of the boards of the Politburo and Orgburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks presided by V. M. Molotov (March – July, 1926) which help substantiate the process of political decision-making by the highest party organs as to the non-proletarian strata of the Soviet society in the election process. Additionally, referring to the critical analysis of official statistical data of the first half of the 1920s, the author concludes about the low reliability of data on the number and structure of the urban electorate, which considerably impedes the study of unorganized voters in elections and calls for additional research of the issue. The non-proletarian strata of the population were a numerous and diverse group in the urban electorate of the 1920s, outnumbering the other groups in provincial towns. Aiming for loyal City Soviets (City Councils), they used a number of approaches, e. g. excluded non-proletarian groups from the electorate, increased the number of *lishentsy* (persons stripped of the right of voting), and introduced differentiated representation norms in favour of workers and Red Army men. Reactions of the non-proletarian public to the political changes varied depending on their background from absenteeism to protesting. The most common forms of protest were refusal to vote for the candidates approved by the authorities, claims of various kinds, and nomination of their own deputies for the Soviets. Though not infrequent per se, such forms of protests were considerably overestimated by the local Soviet and Party representatives, who opposed the expansion of the New Economic Policy and exaggerated the threat coming from the *socially alien* groups of the Soviet public and their potential seizure of power in the Soviets. Part of the representatives of the non-proletarian population were dissatisfied with the authorities, and the electoral system, but this, however, did not reach the scale of oppositional parties or movements. Open protests were uncommon, with modestly-sized groups of entrepreneurs and craftsmen being relatively united but aiming for integration rather than confrontation with the Soviet political system. The lack of loyalty in city-dwellers during elections was used by the Bolshevik authorities as an important leverage in their fight for the toughening of the political course and the cessation of the New Economic Policy.

Keywords: Soviet election campaigns; city Soviets; electoral behaviour; absenteeism; protest behaviour; non-proletarian strata of urban population.

Предметом исследования автора является участие непролетарских городских слоев на выборах в Советской России в годы нэпа. Особенности участия горожан в избирательных кампаниях изучаются на основе широкого круга источников: законодательных актов, материалов официальной статистики, советской печати, неопубликованных архивных документов, находящихся на хранении в центральных и региональных российских архивах. Анализ традиционных для делопроизводства высших и центральных советских и партийных органов видов документов

(распорядительных, протоколно-резолютивных, отчетных, докладных, информационных) из фондов Наркомата внутренних дел, Всероссийского центрального исполнительного комитета, Центрального комитета партии, а также источников личного происхождения (жалоб избирателей на нарушения, допущенные в ходе выборов) позволяет реконструировать модели электорального поведения непролетарских слоев населения, особенности взаимоотношений с властью на протяжении 1920-х гг. Впервые вводимые в научный оборот материалы комиссий Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) по подведению итогов выборов под председательством В. М. Молотова (март-июль 1926 г.) конкретизируют процесс выработки политических решений высшими партийными органами в отношении непролетарских слоев советского общества в электоральном процессе. Наряду с этим на основе критического анализа официальных статистических сведений первой половины 1920-х гг. автор делает вывод о невысокой степени достоверности данных о численности и структуре городского электорального корпуса, серьезно осложняющих изучение «неорганизованных» избирателей в выборах, и актуализирует проведение дополнительных исследований в этом направлении. Непролетарские слои населения составляли многочисленный и разрозненный контингент в электоральном корпусе городов 1920-х гг., численно преобладавая в небольших провинциальных городах. Большевики, желая обеспечить лояльный состав городских советов, использовали различные административные подходы: исключали непролетарские слои из электорального корпуса, расширяли круг «лишенцев», устанавливали дифференцированные нормы представительства в пользу рабочих и красноармейцев. Реакция непролетарских городских слоев на политические изменения обуславливалась разнородностью их состава и варьировалась от абсентеизма до протестного поведения. Наиболее распространенными формами протеста являлись отказ голосовать за утвержденных властью кандидатов, выдвижение требований и собственных депутатов в советы. Протестные формы, хотя и не являлись редкими, но масштабы такого протеста существенно преувеличивались местными советскими и партийными работниками, которые, будучи недовольны расширением нэпа, нагнетали угрозу захвата советов «социально чуждыми» слоями советского общества. У части непролетарских слоев населения существовало недовольство властью, избирательной системой, однако протестные настроения не достигали уровня организации оппозиционных партий или движений. Открытые формы протеста являлись редкостью, относительную сплоченность демонстрировали немногочисленные группы предпринимателей и кустарей, но они стремились к интеграции в советскую политическую систему, а не к конфронтации с ней. Нелояльное поведение горожан на выборах использовалось в качестве значимого аргумента во внутрипартийной борьбе большевистского руководства в пользу ужесточения политического курса и сворачивания нэпа.

Ключевые слова: советские избирательные кампании; городские советы; электоральное поведение; абсентеизм; протестное поведение; непролетарские слои городского населения.

Прямые, равные, всеобщие и тайные выборы стали общепринятыми принципами избирательной системы сравнительно недавно. 80 лет назад выборы депутатов в Советской России происходили совершенно по-иному: голосование осуществлялось на открытых избирательных собраниях, проводившихся по месту работы или жительства, избиратели не только заслушивали отчет о деятельности совета и составляли наказ, но и обсуждали кандидатуры своих представителей непосредственно на собраниях, при этом советы переизбирались каждый год.

Для советской избирательной системы, возникшей в 1918 г., были характерны многоступенчатость, неравенство представительства жителей города и деревни, действие трудового и политического цензов, производственно-территориальный порядок организации избирательных собраний и открытое голосование. Это вполне соответствовало практике европейской выборной системы в подавляющем большинстве стран в первой трети XX в., где выборы также были ограничены большим числом избирательных цензов. В начале XX в. общепринятыми являлись высокий возрастной, гендерный, профессиональный (для военнослужащих и государственных служащих) цензы, а также ценз оседлости¹.

Избирательная система, существовавшая в России с 1918 по 1936 г., имела глубокие исторические корни и в трансформированном виде воспроизводила многие традиционные черты (цензовость, неравное и непрямое представительство). Большевики вводили и ряд новаций, характерных только для советской избирательной системы 1920-х гг., – наделение избирательным правом лиц, признаваемых властью «трудящимися», и проведение выборов по производственным коллективам.

1920-е гг. вписывают особую страницу в электоральную историю Советской России. Выборы в советы являлись важной частью формирования механизмов взаимодействия населения с властью, нередко задавали вектор внутрипартийных дискуссий, оказывали влияние на изменение политического курса большевиков. При этом избирательные кампании 1920-х гг. никогда не являлись центральным сюжетом как советских, так и современных исторических исследований. К одной из наименее изученных проблем относится участие непролетарских слоев городского населения в выборах. И если в советской историографии отсутствие интереса объясняется в первую очередь методологической ограниченностью марксистской концепции, изучение промежуточных непролетарских городских слоев было затруднено в силу сложной классовой идентификации [Андреев; Лепешкин].

¹ В европейских государствах женщины получили избирательные права в результате длительной борьбы за свои права: в Англии – в 1918 г., в Германии – в 1919 г., в Венгрии – в 1925 г., в Испании – в 1931 г., во Франции и Италии – в 1945 г., в Бельгии – в 1948 г., в Швейцарии – в 1971 г. [Выборы во всем мире : Электоральная свобода и общественный прогресс. С. 11, 31, 73, 89, 101, 174, 192, 297, 373].

Для современных же исследований характерно смещение акцента в направлении электоральной деятельности дискриминированных властью групп, лишенных избирательных прав [Валуев; Красильников и др.; Серокурова; Морозова]. Эта тенденция свойственна и западной историографии, при этом лишение избирательных прав исследователями рассматривается не как элемент советской избирательной системы, а в более широком контексте изучения динамики социальной стратификации послереволюционного общества 1920–1930-х гг. [Alexopoulos, 1996, 1997; Fitzpatrick, 1993, 1999]. Несмотря на появление в последнее десятилетие работ, посвященных региональным аспектам избирательного процесса [Офицерова; Петрищева; Сухарев; Тютюник], участие непролетарской части горожан в выборах, особенности их политического поведения не становились объектом специального исследования. Настоящая публикация призвана отчасти восполнить данный пробел.

Численность и структура непролетарской части городского электората

Несмотря на немногочисленность городского населения в РСФСР (по переписи 1926 г. – около 18 %), исход выборов в Городские советы был чрезвычайно важным для большевиков, позиционировавших себя как партию «авангарда пролетариата» [Всесоюзная перепись, с. 2–13]. При этом значительную часть городского населения 1920-х гг. составляли непролетарские слои населения.

Следует пояснить, что понятие «непролетарские слои городского населения» в избирательной практике 1920-х гг. не использовалось. Городские избиратели делились властью на «организованных» и «неорганизованных». К числу «организованных» в трудовые коллективы относились рабочие и служащие, состоявшие в профсоюзах, и красноармейцы. Для них собрания проводились по месту работы или службы.

В рамках избирательного процесса непролетарские городские слои в 1920-е гг. охватывали две основные категории: избирателей, не организованных в профсоюзы, и лиц, лишенных избирательных прав, – «лишенцев». К «не организованным в профсоюзы» относились разрозненные группы избирателей: кустари, ремесленники, кузнецы, извозчики, крестьяне, домашние хозяйки, до 1926 г. – мелкие торговцы, лица свободных профессий и т. д. Для них избирательные собрания проводились по территориальному принципу, как правило, в помещениях близлежащих школ, клубов. «Лишенцами» в советской избирательной системе стали торговцы; лица, использовавшие наемный труд, жившие на нетрудовые доходы; священнослужители; служащие карательных органов царской России; офицеры белых армий и т. д. В настоящей публикации рассматривается только часть не-

пролетарских городских слоев, которую большевики наделили избирательными правами (не организованные в профсоюзы избиратели).

Соотношение этих групп в значительной степени диктовало поведение избирателей, влиявшее на исход выборов, а следовательно, и реакцию власти, поэтому чрезвычайно важно определить с численностью и составом непролетарской части электорального корпуса. Попытка оценить ее численность и соотношение с другими слоями в первой половине 1920-х гг. серьезно осложняется низким качеством избирательной статистики. При этом дефектность статистики касается как отсутствия сведений о выборах в значительной части городов, так и недоучета интересующей нас группы в структуре городских избирателей. Согласно официальным сведениям, в начале 1920-х гг. многие города игнорировали указания центральных и высших советских органов и не предоставляли сведения об итогах выборов. Так, данные по выборам в городские советы представили в НКВД в 1920 г. 122 города и поселка городского типа, в 1921 г. – 150, в 1922 г. – 94, в 1923 г. – 212, в 1924 г. – 3052 [Выборы в Советы РСФСР, с. 1]. Ситуация принципиально изменилась только в середине 1920-х гг., когда качеству учета данных на выборах стало уделяться больше внимания, сведения представлялись по большинству существовавших в то время городов [Выборы в Советы РСФСР, с. 1; Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 1].

В структуре электорального корпуса, по данным НКВД, «неорганизованное население» в городах в 1920 г. составляло 3,9 %, в 1921 г. – 16,3 %, в 1922 г. – 10,9 %, в 1923 г. – 42,5 %, в 1924 г. – 44,2 %, в 1925 г. – 44,4 % [Выборы в Советы РСФСР, с. 41]. Столь существенные колебания объясняются двумя основными причинами: организационными – отсутствием избирательных собраний для неорганизованных избирателей, следствием чего было их автоматическое исключение из состава избирательного корпуса, и техническими – плохо налаженным учетом избирателей. В последующих избирательных кампаниях показатели численности неорганизованного населения стабилизируются на уровне 42–44 %, в кампанию 1926–1927 гг. число неорганизованных избирателей составило 41,5 %, в 1928–1929 гг. – 44,2 % [Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 44]. Это демонстрирует относительную достоверность данных о соотношении различных слоев в электоральном корпусе.

Данные общероссийской статистики в полной мере подтверждаются анализом первоначальных данных выборов в городские советы, поступавших в НКВД в первой половине 1920-х гг. В значительной

² С 1918 по 1924 гг. на Наркомат внутренних дел РСФСР было возложено оперативное руководство выборами, включая ведение избирательной статистики. Руководство выборами НКВД являлось продолжением сложившейся дореволюционной традиции: с 1906 по 1917 г. общая организация и контроль над проведением выборов были возложены на структурно входивший в МВД отдел особого делопроизводства департамента полиции. НКВД РСФСР в 1920-е гг. имел широчайший круг полномочий: помимо милиции и мест заключения, ведал коммунальным хозяйством, местным благоустройством и даже выполнял ветеринарные функции, он являлся административно-хозяйственным, а не репрессивным органом, каковым стал НКВД СССР после реорганизации в 1934 г.

части городов в это время не проводились избирательные собрания для неорганизованных избирателей. Однако число городов, где в электоральный корпус включали неорганизованное население, постепенно увеличивалось. Если в 1920 и 1921 г. неорганизованное население заявлено среди избирателей менее чем в четверти от общего числа карточек выборов, то в 1922 г. число таких городов составляло уже около трети [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 29. Д. 10а. Л. 4–80]. В 1922 г. в ряде губернских центров неорганизованное население стали включать в электоральный корпус, в числе таких городов были Нижний Новгород, Екатеринбург, Уфа, Тверь, Ставрополь, Пермь. Наряду с этим оставалось множество городов, которые проводили выборы только для рабочих и красноармейцев. К их числу, например, относились Барнаул, Самара, города Тамбовской и Саратовской губерний и т. д. [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 36. Д. 6. Л. 4–40].

Общей тенденцией динамики электорального корпуса неорганизованных избирателей стало его постепенное увеличение. В кампанию 1924 г. по 305 городам, предоставившим сведения, общее число неорганизованных избирателей составило 1 330 805 чел., в кампанию 1925–1926 гг. по 365 городам – 1 631 204 чел. [Выборы в Советы РСФСР, с. 241, 243] (при этом в статистическом сборнике отмечено, что на 1 мая 1926 г. в РСФСР числилось 538 городов). В кампанию 1926–1927 гг. в 584 городах было учтено 3 297 730 чел.; в кампанию 1928–1929 гг. в 705 городах – 4 158 250 чел.³ [Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 44–45]. Судя по данным НКВД, только начиная с кампании 1925–1926 гг. неорганизованные избиратели были повсеместно включены в состав электорального корпуса, до этого по ряду городов стоят прочерки в категории неорганизованных избирателей.

Сознательным ли было исключение из избирательного процесса в начале 1920-х гг. представителей неорганизованного населения? С одной стороны, прямых указаний советских органов или директив партии, направленных на ограничение участия непролетарского населения в выборах, нижестоящим советам не давалось. Но и указаний об обязательности их участия в выборах также не было. В общероссийском и региональном избирательном законодательстве 1920–1924 гг. регламентировалось только проведение избирательных собраний по производственному принципу, порядок организации собраний для не организованного по профсоюзам населения не регламентировался и оставался на усмотрение организаторов выборов на местах. Как и многие другие избирательные процедуры, не установленные в законодательстве 1920–1924 гг., участие и организация избирательных собраний для неорганизованного населения регулировались на основе

³ Столь значительное увеличение числа «неорганизованных избирателей» руководители статистического отдела ВЦИК (авторы статистического сборника) объясняли: «образованием новых городских поселков; естественным приростом населения; значительно улучшившимся учетом избирателей» [Итоги выборов в Советы РСФСР. С. 8].

сложившейся практики на местах. Это в значительной степени объясняет разнородную картину участия непролетарских слоев населения в выборах. Исходя из ситуации на местах, с учетом соотношения пролетарского и непролетарского населения в городах и, возможно, других локальных факторов, в каждой губернии или области принималось свое решение об организации избирательных собраний для неорганизованного населения, норм представительства для различных категорий и т. д.

Технической причиной дефектности электоральной статистики первой половины 1920-х гг. стало крайне медленное совершенствование учета населения в городах. Учет избирателей в 1920-е гг. имел слабо формализованный порядок, составление списков избирателей так и не стало обязанностью избирательных комиссий, поименный список избирателей в формы избирательной отчетности был включен только в 1930 г. Проверявшие ход избирательной кампании инструкторы ВЦИК в 1926 г. отмечали «неправильный подход к составлению списков в большинстве городов» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 318]. В стране отсутствовал унифицированный порядок этого учета. Так, в Нижнем Новгороде и Туле проводились «специальные переписи» избирателей (что отмечалось в качестве положительного опыта), в Саратове был зафиксирован еще более оригинальный порядок учета избирателей по специальным заявлениям: «всем кустарям-одиночкам и состоящим в организации предложено подать лично в комиссию заявление о включении их в списки избирателей. Члены семей кустарей, имеющие избирательные права, должны обращаться с просьбой о включении их в списки избирателей в соответствующие комиссии по перевыборам, женщины – в комиссию от домохозяек, безработные – в комиссию от безработных» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 22. Л. 319]. При таком способе учета избирателей, носившем заявительный порядок, степень достоверности данных о численности городского электорального корпуса не могла быть высокой.

Особую значимость для исхода выборов в городах имел вопрос о соотношении непролетарской части с другими социальными слоями горожан. Общероссийские данные свидетельствуют о благоприятном для власти соотношении на протяжении 1920-х гг. Однако это соотношение в различных городах было неодинаковым. Статистика показывает четкую зависимость от общей численности населения: чем крупнее город, тем меньше число неорганизованных избирателей. Наибольшие проблемы с численностью пролетарского населения были в небольших провинциальных городах с населением до 5 тыс. и от 5 до 10 тыс. человек. В. М. Молотов с пренебрежительной иронией охарактеризовал электоральный корпус «обывательских» городов: «На 20 рабочих – 120 попов» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 41–43]. Неорганизованных избирателей в этих городах насчитывалось 56,5 и 50,0 % соответственно, при этом следует учитывать, что в РСФСР в 1920-е гг. преобладали небольшие провинциальные города, ко-

торые составляли 54,3 % (292 из 538 городов в 1926 г.). В городах с численностью населения более 10 тыс. неорганизованного населения было менее половины (44,7 %), в крупных городах с численностью более 50 тыс. – 42,4 %, однако последние составляли 9,5 % от общего числа городов в 1926 г. [Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 8].

В целом неорганизованные избиратели составляли значительный контингент в электоральном корпусе городов в 1920-е гг. независимо от их численности, преобладая в небольших провинциальных городах. Это создавало реальные предпосылки для возникновения проблемы обеспечения пролетарского состава городских советов.

Важное значение для власти имел состав не организованных в профсоюзы избирателей. На протяжении 1920-х гг. руководство страны неоднократно вмешивалась в процесс определения круга лиц, обладавших избирательными правами, то расширяя число избирателей от непролетарских слоев населения, то, напротив, резко его сужая. Определение круга избирателей являлось частью общеполитического процесса и партийных дискуссий 1920-х гг. Сложная социальная идентификация этого населения в контексте марксистской парадигмы позволяла в разных политических ситуациях причислять их то к полупролетарским, то к мелкобуржуазным слоям. Большевики оценивали «неорганизованных» избирателей как пережиток дореволюционного времени, презрительно называя их «мещанским населением» городов. По сути, это были традиционные слои городского населения, многие из них работали в собственных небольших мастерских, трудились в артелях или, будучи выходцами из крестьян, занимались огородничеством и садоводством и владели собственным жильем в городе (жилье могло сдаваться внаем и выступать дополнительным источником дохода). По мнению советских и партийных работников, эти слои населения обладали «мелкобуржуазной психологией», были несознательными, предпочитая как идеал буржуазный образ жизни, *являвшийся пережитком буржуазного или скорее даже феодального общества*. Советская пресса зачастую карикатурно изображала эти слои населения как отсталые, полубуржуазные, «прихвостней» нэпманов [На городском участке классовой борьбы, с. 10].

Начиная с кампании 1926–1927 гг. в советской избирательной статистике была детализирована информация о составе неорганизованных избирателей [Выборы в Советы РСФСР, с. 52]. Ниже представлена структура не организованных в профсоюзы избирателей в кампаниях 1926–1927 и 1928–1929 гг. (табл. 1). Самую массовую группу составляли домохозяйки (около 50 %), остальные группы были чрезвычайно разнородными, и ни одна из них не превышала 10 %. Наиболее значительными среди них были группы кустарей, ремесленников и учащихся. Значительная численность группы «прочих» и «не распределенных по группам» была вызвана отсутствием четкой классификации у местных властей, затруднявшихся с определением их социального положения.

Таблица 1

**Структура не организованных в профсоюзы избирателей
в 1926–1929 гг. [Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 8–17]**

Категория избирателей	Кампания 1926–1927 гг.		Кампания 1928–1929 гг.	
	Численность	Доля среди не-организованных избирателей (%)	Численность	Доля среди не-организованных избирателей (%)
Домашние хозяйки	1 714 314	52,7	1 932 590	46,7
Кустари и ремесленники	269 058	8,3	388 139	9,4
Учащиеся	279 681	8,6	320 658	7,7
Крестьяне	191 403	5,9	216 048	5,3
Чернорабочие и батраки	13 974	0,4	5 863	0,1
Инвалиды и пенсионеры	112 977	3,5	240 179	5,8
Безработные	144 465	4,5	344 694	8,3
Прочие	265 693	8,2	170 155	4,1
Не распределены по группам	258 189	7,9	523 114	12,6
<i>Итого</i>	<i>3 249 753</i>	<i>100</i>	<i>4 141 350</i>	<i>100</i>

Неоднородность состава неорганизованных избирателей создавала сложности для местных властей в части проведения агитации и организации мероприятий, но при этом имела и существенные плюсы для власти, поскольку такой состав серьезно осложнял установление и координацию внутригрупповых связей. Трудно представить, защита каких интересов могла объединять кустарей, учащихся, безработных, крестьян и инвалидов. В целом этот фактор определял высокую степень пассивности группы и помешал в дальнейшем организации масштабных протестных действий.

**Непролетарские слои населения на выборах:
от апатии до протеста**

Вариативность электорального поведения не организованных в профсоюзы избирателей предопределялась их разнородным составом. Наиболее распространенными стали четыре поведенческие модели: активное лояльное к власти поведение; пассивное поведение; протестное поведение, связанное с выдвижением требований и забаллотированием утвержденных списков кандидатов; протестное поведение, выраженное в форме открытых выступлений горожан против власти.

Одной из самых распространенных стратегий городского населения стало пассивное электоральное поведение, при этом апатия проявлялась как в абсентеизме, так и пассивности на избирательных собраниях. Н. В. Офицерова полагает, что основными причинами апатии являлись «складывающаяся однопартийная система и общее ужесточение политического контроля» [Офицерова, с. 146]. Представляется, что автор преувеличивает влияние названных факторов, причины пассивности горожан на выборах были многограннее и сложнее, чем обозначает исследователь. Значимыми причинами абсентеизма являлись как организационные и технические проблемы, так и социально-психологические, проявлявшиеся в принципиальном нежелании участвовать в выборах.

Советские работники, пытаясь повысить явку населения на выборы, выявили многочисленные организационно-технические проблемы [Балабан; Чугунов]. В качестве технических недочетов назывались неудобные время и сроки проведения избирательных собраний, дальность расположения участков, маломестительные неотопливаемые помещения, отсутствие информации о месте и времени проведения выборов и т. д. Местные руководители оперативно реагировали на организационные проблемы. Были найдены оптимальные сроки проведения выборов и помещения для их проведения, определены оптимальные размеры избирательных участков, что позитивно отразилось на явке избирателей в РСФСР.

Сложнее было с информированностью не организованных в профсоюзы избирателей, традиционные для большевиков способы оповещения и информирования – проведение митингов, собраний, издание газет и листовок – были совершенно неэффективны. Разрозненность проживания непролетарских слоев не позволяла проводить массовые мероприятия. Неграмотность становилась помехой для печатной агитации. Но и в данном случае большевикам в короткий срок удалось найти оптимальный набор предвыборных агитационных средств, позволивших существенно поднять явку неорганизованного населения. Традиционное использование в качестве средств агитации печатных изданий, радио дополнилось различными формами наглядной агитации (плакатами, листовками, лозунгами), демонстрациями, ледовыми представлениями, факельными шествиями, состязаниями-маскарадами, театральными инсценировками («агитационными судами»), различными мероприятиями, направленными на информирование населения (обходы домов и квартир, посылка «глашатаев» по окраинам накануне выборов, различные праздники, концерты, устраиваемые комсомольцами) и т. п. [Сорокин, с. 9].

Влияние социально-психологических факторов на абсентеизм являлось неоднозначным. Значительная часть избирателей игнорировала выборы из-за отсутствия интереса к политическим и общественным процессам. В первую очередь это было характерно для женщин-домохозяек, составлявших более половины неорганизо-

ванных избирателей. Напомним, что женщины до революции не обладали избирательным правом, а до середины 1920-х гг. во многих городах собрания по территориальному принципу не проводились, и они не имели возможности принять участие в выборах. К середине 1920-х гг. значительная часть домохозяек не обладала опытом участия в выборах, для них было характерно индифферентное отношение к политической жизни. Предоставленное женскому населению избирательное право оказалось невостребованным, значимость выборов ими не осознавалась. Апатичное, пассивное поведение было широко распространено и среди пожилых людей (пенсионеров, инвалидов), многие из них не понимали смысла происходящего, не интересовались политикой и т. д.

В то же время для части горожан абсентеизм являлся формой пассивного протеста против Советской власти. Такое поведение демонстрировали жители небольших провинциальных городов. В Угличе, Владимире, Суздале, Великом Новгороде советские работники постоянно жаловались на социальный состав населения: «неорганизованное население – старое мещанство и чиновничество с уклоном религиозности, безразлично относящееся к выборам» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 29]. Несмотря на меры, принимаемые местными властями, горожане отказывались участвовать в выборах, и советские работники констатировали, что «продолжать до бесконечности созыв избирательных собраний бессмысленно» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 29]. Возможности для преодоления абсентеизма неорганизованных избирателей у властей были весьма ограничены. Государственные и партийные органы не располагали реальными рычагами воздействия на них, в отличие от работы с красноармейцами или рабочими на заводах. Однако, несмотря на недопустимо низкую явку, ВЦИК утверждал итоги выборов: в 1926 г. в Угличе признали выборы состоявшимися при явке избирателей в 17 %, в Великом Новгороде – 16 % [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 21. Л. 97; Д. 22. Л. 28].

Несмотря на обозначенные сложности, властям удалось существенно снизить уровень абсентеизма непролетарских слоев населения к концу 1920-х гг., его явка на выборы в 1927 г. составила 43,2 %, в 1929 г. – 58,5 % [Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 7–9]. Существенных результатов большевики добились в работе с женщинами-домохозяйками, в 1927 г. их явка составила 40,1 %, в 1929 г. – 56,3 % [Там же, с. 17]. Правда, в большинстве случаев попытки активизировать их деятельность осуществлялись через работающих мужей или сыновей, которых обязывали к этому. Также существенно поднялась явка кустарей, крестьян, пенсионеров, составив в 1929 г. соответственно 63,3, 63,0 и 56,7 % [Там же]. И все-таки в большей степени власти смогли преодолеть организационные и технические проблемы, в меньшей – воздействовать на пассивное протестное поведение.

Другим типом отношения к выборам стало проявление лояльного поведения без выраженных протестных настроений. Характе-

ристика такого поведения нечасто встречается в сводках советских и партийных органов, поскольку оно считалось нормой, и авторы сводок сосредотачивались на «искривлениях линии партии», разного рода отклонениях. В сводках ОГПУ такое поведение характеризовалось как «удовлетворительное». Лояльное поведение предполагало заслушивание отчетного доклада, его активное обсуждение и одобрение, высказывание предложений в пределах «деловой самокритики», то есть замечаний, не выходящих за границы дозволенных властью хозяйственных и социальных предложений, не переходящих в политическую плоскость [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 40–41]. Проявление лояльного поведения предполагало одобрение и голосование за заранее утвержденный партийным комитетом список кандидатов и участие в обсуждении наказа городскому совету [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 124–127]. В наибольшей степени лояльную активность демонстрировали собрания учащихся и часть домохозяек на объединенных собраниях с трудовыми коллективами. Весьма сложно установить степень ее распространенности, поскольку активное лояльное поведение нередко переходило в протестное поведение.

В городах Европейской России, значительную часть населения которых составлял «непролетарский» контингент (Великий Новгород, Углич, Суздаль, Владимир, Весьегонск, Тверь и т. д.), в ходе кампании 1925–1926 гг. избиратели восприняли принципы демократизации «слишком буквально» и стали демонстрировать высокую активность на собраниях, выдвигать различные требования, создавать инициативные группы и т. д. Выборные собрания неорганизованного населения проходили не по запланированному сценарию. Избиратели не желали слушать огромные многочасовые доклады уполномоченных, депутатов и председателей исполкомов о свершениях Советской власти, либо возмущаясь и прерывая докладчиков, либо покидая помещение собрания. Жители городов желали прямого диалога, они активно задавали вопросы представителям власти, присутствовавшим на собраниях, выражали свое мнение, принимали участие в обсуждении. Такое поведение рассматривалось как допустимое в рамках реализации политики «оживления Советов» и активизации «трудящихся».

Однако в ряде случаев допустимая властью активность на избирательных собраниях перерастала в выраженное протестное поведение. Самой распространенной формой проявления протеста стало выдвижение различных требований, не согласованных с властью. Популярностью пользовались требования об уравнивании в правах кустарей с рабочими, предоставлении налоговых льгот кустарям и ремесленникам, создании профсоюзов кустарей, улучшении бытовых условий в городах (строительстве школ, больниц, прачечных, бань и т. д.) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 5. Л. 19]. В ряде городов звучали и политические требования. В частности, в Великом Новгороде, Нижнем Новгороде, Угличе, Весьегонске распространенными стали требования

независимой организации выборов, неучастие партии большевиков в подготовке выборов и предварительном утверждении списков кандидатов в депутаты [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 37].

Наиболее распространенной формой протестного поведения являлся отказ от голосования за утвержденный соответствующим комитетом партии список кандидатов в депутаты. Информаторы ВЦИК сообщали, что «неорганизованное население повсеместно не желало голосовать за списки, предпочитая персональное голосование» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 111]. Представители непролетарских слоев населения настаивали на том, что депутатами могут быть только местные жители – плательщики налогов, заявляя: «как могут защищать наши интересы члены профсоюзов и пришельцы (присланные из центра партийные работники. – М. С.), когда они сами налогов не платят или же имеют льготы» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 46]. Это мнение жителей Весьегонска, но подобные настроения были характерны и для жителей многих других городов (Великого Новгорода, Минусинска, Барнаула, Калуги и т. д.).

При обсуждении кандидатов в депутаты представители неорганизованного населения исключали из списков представителей пролетариата, ответственных советских и партийных работников. Кустари, ремесленники и домохозяйки выдвигали своих кандидатов и формировали наказы. Так, на выборах в горсовет Новониколаевска (ныне – Новосибирск) в октябре 1925 г. произошел настоящий скандал, выступление нэпманов нарушило весь ход заранее спланированного мероприятия. Неожиданное появление новой политической силы повергло в шок большевистских руководителей. Они даже не успели ничего предпринять, чтобы помешать нэпманам. В результате несколько частных торговцев прошли в горсовет Новониколаевский горсовет. В нем депутаты от предпринимателей активно защищали интересы частного капитала [ГАНУ. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 26об.].

Сравнительно редкой формой протестного поведения на выборах были открытые выступления горожан против власти, избиения представителей власти, угрозы в их адрес. В материалах центральных архивов нам встретилось единственное дело, в котором разбирался открытый конфликт между горожанами и представителями власти – это выборы в г. Весьегонске Тверской губернии. Представляется, что это был не единичный случай, однако в большинстве ситуаций местные власти стремились погасить конфликт, не доводя до жалоб в высшие советские и партийные органы и приезда представителей ВЦИК или ЦК ВКП(б).

Весьегонск – небольшой город Тверской губернии (по переписи 1926 г. в нем проживало 4 639 человек [Всесоюзная перепись населения, с. 129]), сотрудники ВЦИК описывали его как «город обывательский с преобладанием бывших домовладельцев, торгашей и купечества» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 36]. Избирательный корпус характеризовался как враждебно настроенный к Советской власти:

«пролетариат отсутствует, партия может опереться только на объединенных в профсоюзы совслужащих (856 чел.), преобладает неорганизованное население (1418 чел.)» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 36]. При этом сами избиратели характеризовались как «проявлявшие большую активность обыватели, имевшие своих лидеров в городском совете» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 37]. До сентября 1925 г. в Вёсьегонске не было своего городского совета, жители избирали депутатов в уездный совет, однако горожане в сентябре 1925 г. смогли добиться создания собственного горсовета. Как отмечалось в деле, «при активном содействии горожан с сентября 1925 г. выбран горсовет, в его создании были заинтересованы и активно участвовали местные жители» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 38]. Лидером неорганизованного населения в Вёсьегонске был Мастенников, в справке ОГПУ он характеризовался «как политическая фигура, настроенная антисоветски», в ходе предвыборной кампании агитировавшая против коммунистов и лично против секретаря уездного комитета партии [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 44].

Накануне выборного собрания 27 декабря 1925 г., где Мастенников должен был выступать с отчетом, ОГПУ произвело его арест. Этот арест спровоцировал открытый конфликт населения и власти в ходе собрания, состоявшегося 28 декабря 1925 г. В жалобе членов городского совета Вёсьегонска отмечалось: «В назначенное время 28 декабря явились избиратели в полном составе и требовали у председателя уездного исполкома выпуска из-под ареста члена горсовета. Просьба избирателей не была уважена, поднялся страшный шум, все кричали об освобождении арестованного, но т. к. в просьбе было отказано, и граждане избиратели все того района оставили зал собрания, отказываясь голосовать за предложенные кандидатуры, была вызвана милиция, которая начала запугивать и разгонять избирателей (текст документа цитируется с сохранением стиля оригинала. – М. С.)» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 46]. Оставшиеся на свободе члены горсовета вместе с жителями требовали освобождения Мастенникова, проведения свободных выборов («без всякого давления») и советов без коммунистов [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Д. 20. Л. 36–39].

Представляется, что непродуманные действия местных властей и ОГПУ в Вёсьегонске обострили конфликт и спровоцировали горожан на выступление. В других городах с аналогичным составом населения и высокой активностью горожан местным властям удалось не допустить открытых выступлений на выборах. Там, где местные власти растерялись и ничего не предпринимали, в городские советы могли быть избраны представители «неорганизованного населения» (например, это Юхнов, Таруса, Спас-Деменск, Златоуст) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 57]. В других городах власти пытались убедить, уговорить избирателей, найти компромисс, избрать приемлемый состав советов, включив в них как рабочих, членов партии, так и представителей неорганизованного населения (например, это Саратов,

Калуга, Смоленск, Пенза) [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 13. Л. 108–127]. В последнем случае советские работники после окончания выборной кампании 1925–1926 гг., желая избежать подобных проблем на следующих выборах, стали массово обращаться в Центризбирком с просьбой изменить нормы представительства в пользу членов профсоюзов.

В современном понимании в Весьегонске формировалось гражданское общество, и очевидно, что активная часть горожан обладала достаточно развитым политическим сознанием, готова была отстаивать интересы городского населения в представительном органе, решать проблемы своего города. Горожане не были согласны с формированием однопартийной модели, формализацией избирательного процесса, среди них находились лидеры, способные возглавить это противостояние. Не считая большевиков выразителями своих интересов, они стремились к выдвижению собственных кандидатов, которые должны были отстаивать в советах интересы непролетарской части населения. Однако не стоит преувеличивать уровень развития политического сознания жителей Весьегонска, оно проходило стадию становления, их требования сводились к свободным от административного давления выборам, отсутствию утвержденных уездным комитетом партии списков, избранию в депутаты плательщиков налогов и местных жителей, освобождению из ОГПУ своего лидера. Протестные настроения непролетарской части населения Весьегонска не доходили до уровня организации или поддержки оппозиционных партий или движений. При наличии легальных оппозиционных партий в советской избирательной системе эти слои могли бы потенциально стать их электоратом. При отсутствии альтернативы поведение непролетарской части городов сводилось к протестным настроениям, выраженным различными способами.

Власть и непролетарские слои населения на выборах: сложный компромисс

Итоги избирательной кампании 1925–1926 гг. вызвали серьезную обеспокоенность у высшего руководства страны. Реакция последовала незамедлительно. В духе того времени после завершения избирательной кампании 15 марта 1926 г. была создана комиссия Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) по подведению итогов выборов под председательством В. М. Молотова [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 10]. В докладе, подготовленном для этой комиссии об итогах выборов в городские советы в 1925–1926 гг., делался неутешительный вывод о серьезных проблемах с социальным и партийным составами избранных горсоветов. В документе отмечалось, что при снижении доли рабочих (с 46 % в 1924 г. до 36,4 % в 1925 г.) в городских советах выросла доля представителей неорганизованного населения (с 13,2 % в 1924 г. до 18,9 % в 1925 г.). И если обобщенные цифры не давали

повода для беспокойства, то составы городских советов в отдельных городах и губерниях вызвали панические настроения у партийных функционеров. Наибольшую тревогу вызывали составы советов «в мелких обывательских городах Саратовской, Самарской, Тамбовской, Рязанской, Воронежской, Курской, Калужской, Брянской, Нижегородской, Ярославской, Владимирской, Иваново-Вознесенской губерний» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 54].

Партийный состав многих городских советов и вовсе обескуражил партийное руководство. В ряде городов коммунистов в новые советы не избрали или их было менее 10 %. Так, в Спас-Деменске коммунисты не попали в состав городского совета, в Юхнове из 49 депутатов только четверо были коммунистами (8,1 %), в Тарусе из 64 депутатов коммунистов оказалось тоже всего четверо [Там же. Л. 57]. В докладе констатировалось, что «понижение доли коммунистов, так же как и рабочих, приходится отнести за счет мелких обывательских, полукрестьянских городов и городишечек, которых у нас значительно больше, чем средних и крупных городов» [Там же]. Главными причинами «резкого ухудшения состава городских советов» назывались расширение круга избирателей за счет непролетарских элементов и их «неконтролируемая активность» [Там же. Л. 20].

Обсуждение итогов выборов вызвало ожесточенные дискуссии и взаимные обвинения сторонников и противников либерализации и расширения нэпа. Уже на первом заседании комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшемся 10 апреля 1926 г., звучали чрезвычайно резкие оценки итогов выборов горсоветов. В. М. Молотов и Л. М. Каганович, констатировав «превращение ряда городских советов в советы мещанского типа», обвинили в искажении директив партии и непонимании политики «оживления советов» наркома внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородова, а также верхушку ЦИК СССР и ВЦИК в лице М. И. Калинина, Я. В. Полуяна, А. С. Енукидзе, руководивших выборами в стране [Там же. Д. 54. Л. 12–54].

В более широком контексте результаты избирательной кампании 1925–1926 гг. интерпретировались руководством ВКП(б) в рамках внутрипартийных дискуссий о границах экономической и политической либерализации, о возможности «термидора». Многие исследователи справедливо отмечают исключительную противоречивость позиции большевиков относительно институциональных границ нэпа, ведь либерализация в экономической сфере не сопровождалась политической [Павлюченков, с. 382–390; Гимпельсон, с. 39–43]. Несмотря на все надежды оппозиционных партий и сменовеховцев, за объявлением нэпа не последовало *политической либерализации*, большевики продолжали осуществлять власть испытанными методами «военного коммунизма» и не собирались делиться властью [Павлюченков, с. 390–392]. Но верно и наблюдение Е. Г. Гимпельсона о том, что «расширявшийся нэп толкал на политические уступки» [Гимпельсон, с. 39]. Массовая кассация выборов 1924 г., объявление политики

«оживления советов», запрет на использование административного ресурса на выборах свидетельствовали о победе в 1925 г. линии на политическую либерализацию.

Эта политика была созвучна определенным ожиданиям, настроениям населения, которые фиксировались ОГПУ, советскими и партийными органами. Так, в «Докладной записке о требованиях различных слоев населения на перевыборах 1925–1926 гг.», составленной информационным отделом ОГПУ 16 апреля 1926 г., отмечалась высокая активность, проявленная мелкими городскими собственниками (кустарями) и торговцами. Эти слои рассчитывали на расширение политических свобод: «предоставление избирательных прав торговцам первого разряда рассматривается всей торговой средой как уступка со стороны власти, которая в дальнейшем будет расширяться», – отмечалось в указанной сводке [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 5. Л. 19].

Подобные настроения населения стали основанием «термидорианских» опасений, способствовали обострению внутрипартийных дискуссий об удержании власти. Насколько они были обоснованы? Как отмечалось выше, значительная часть непролетарских слоев населения была недовольна новой властью, избирательной системой и позитивно отнеслась к некоторой либерализации режима в 1925 г. Однако эти слои были крайне разрозненными, разнородными, не оформленными в движения и партии и в целом они не демонстрировали готовности бороться за власть. Для их политической консолидации требовалось время, и потому прямой «угрозы захвата власти в городских советах буржуазными элементами» в 1926 г. не существовало, ужесточение политики, произошедшее в 1926 г. и приведшее к постепенному сворачиванию нэпа, носило в значительной степени превентивный характер.

Меры для исправления ситуации с социальным составом городских советов были озвучены уже 10 апреля 1926 г. на первом заседании комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б). Основной мерой должно было стать сужение круга избирателей за счет непролетарских слоев городского населения, а также предоставление преимущества пролетариату в нормах представительства [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 41–44, 74–80]. В части обеспечения преимущества в нормах представительства предлагалось использовать сложившуюся в начале 1920-х гг. практику установления различных норм для пролетарского и непролетарского населения городов [Там же. Л. 18]. В начале 1920-х гг. дифференциация в таких нормах в ряде городов между различными социальными слоями достигала двадцатикратного преимущества [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 36. Д. 6. Л. 32]. В дальнейшем эта практика была расширена и в ряде случаев находила законодательное закрепление. ВЦИК и Центризбирком устанавливали нормы для различных городов в зависимости от соотношения пролетарского и непролетарского населения и политической ситуации [СУ РСФСР. 1927. № 2. Ст. 10; № 36. Ст. 50].

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), проходившем в июле 1926 г., были поддержаны предложения комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) и принято решение о существенном расширении круга лиц, лишенных избирательных прав, потенциально неloyальных к Советской власти [Там же. Л. 83]. В постановлении пленума указывалось на необходимость «предохранить советы в деревне и в городе от засорения их эксплуататорскими элементами» путем исключения из числа избирателей «растущих капиталистических элементов» [Там же. Л. 83–84]. Директивы партии нашли отражение в избирательной инструкции, принятой ВЦИК 4 ноября 1926 г., и дальнейшей избирательной практике [СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577].

В рамках реализации директив партии в кампании 1926–1927 и 1928–1929 гг. был существенно расширен круг лиц, подлежавших лишению избирательных прав. Численность «лишенцев» в городах РСФСР в 1926–1927 г. увеличилась вдвое – с 284 600 чел. в 1925 г. до 590 048 чел. в 1927 г., достигнув в 1929 г. 711 753 чел. В относительных показателях доля «лишенцев» увеличилась с 4,4 % в 1925 г. до 7,2 % в 1929 г. среди учтенных горожан старше 18 лет. Помимо этого, с помощью дополнительных ограничений в правах и общественного ostrакизма большевикам удалось дискредитировать в глазах сослуживцев, соседей, окружающих небольшую по численности, но весьма влиятельную часть представителей непролетарских слоев города – лиц, лишенных избирательных прав [Маргиналы в социуме, с. 97].

Манипуляции с нормами представительства обеспечили промышленному пролетариату и красноармейцам значительный перевес в представительстве в городских советах. Преференции красноармейцев и рабочих были существенны уже во время выборной кампании 1925–1926 гг., на каждую тысячу избирателей было избрано 11 депутатов от красноармейцев, 12 – от рабочих, 5 – от неорганизованного населения [Выборы в Советы РСФСР, с. 56–57]. В 1926–1927 и 1928–1929 гг. этот перевес уже стал пятикратным (14 депутатов от рабочих, 12 депутатов от красноармейцев против трех от неорганизованной части населения) [Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 26–27].

Общий курс избирательных кампаний в городские советы 1926–1927 и 1928–1929 гг. предлагал корректировку политики «оживления советов»: при сохранении и повышении активности городского населения на выборах необходимо было обеспечить пролетарский состав городских советов. В циркулярном письме ВЦИК региональным исполкомам от 27 ноября 1926 г. особо отмечалось: «Наряду с усилением роли рабочих в городских советах необходимо принять меры к более широкому охвату работой городских советов неорганизованных групп городского населения, недопустимы факты отказа от работы с неорганизованным населением» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 105. Д. 28. Л. 18]. На практике это означало, что перед местными властями стояла непростая задача: при обеспечении высокой явки и активности

всех слоев горожан (имевших избирательные права) не допустить распространения антисоветских настроений и избрать заранее утвержденный список кандидатов.

Насколько принятые меры способствовали решению проблем с обеспечением лояльного поведения непролетарского населения городов и составом советов? Общая электоральная статистика показывает, что в 1926–1927 и 1928–1929 гг. составы городских советов претерпели существенные изменения по сравнению с предыдущей кампанией. В 1927 г. доля рабочих в составах городских советов поднялась до 47,2 %, в 1929 г. – до 54 % [Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 46]. Партийный состав также изменился: в 1927 г. 46,5 % избранных в горсоветы составили члены ВКП(б), в 1929 г. их доля была уже 47,2 % [Там же, с. 47]. Традиционно в крупных городах ситуация с составом городских советов выглядела для большевиков более благополучной, доля рабочих в горсоветах составила в 1927 г. 57,5 %, в 1929 г. – 59,6 %. Менее благоприятной ситуация складывалась в небольших городах с численностью жителей до 10 тыс., доля рабочих в 1927 г. составляла 40,6 %, в 1929 г. – 47,5 % [Там же, с. 22–25]. В целом следует признать, что власти удалось изменить ситуацию с составами городских советов в кампании 1927 и 1929 г. по сравнению с выборами 1925 г., обеспечив более лояльный состав депутатов в них. Изменение составов было достигнуто преимущественно за счет использования административного ресурса, расширения круга «лишенцев», манипуляций с нормами представительства, совершенствования организации и агитационных методов.

Административные меры мало повлияли на поведение горожан на избирательных собраниях. Факты нелояльного поведения на выборах оставались массовыми, «управляемая активность» населением оставалась скорее мифом, основанным на отчетах советских руководящих работников, однако в тот период контроль партии над населением был далек от тотального. Большинство протестных форм электорального поведения неорганизованного населения остались характерны и для кампаний 1926–1927 и 1928–1929 гг. Выборы в городах все еще не являлись формальностью и простым утверждением списков кандидатов. По статистике, имеющейся в отчетах Сибкрайисполкома, в ходе выборной кампании 1928–1929 гг. при обсуждении кандидатов в депутаты от ячеек ВКП(б) не прошли 36,2 % кандидатов, от профсоюзов – 84,5 %, от выборных собраний – 85 % [ГАНУ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 619. Л. 15].

Как и ранее, представители неорганизованного населения при обсуждении кандидатов исключали из списков не только представителей пролетариата, но и ответственных советских и партийных работников. Так, в декабре 1928 г. на выборном собрании неорганизованного населения в Новосибирске была забаллотирована кандидатура председателя Сибирского краевого исполнительного комитета

Р. И. Эйхе⁴ [ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 643. Л. 48]. Аналогичные факты фиксировались в отношении председателя окружного исполнительного комитета в Щегловске, секретаря райкома партии и заместителя председателя горсовета в Красноярске и т. д. [ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 643. Л. 14–15].

Непролетарские слои населения, составляя многочисленный и разрозненный контингент в избирательном корпусе городов 1920-х гг., не являлись базовым электоратом коммунистов. Отсутствие коллективного мандата и лояльности определило сложные взаимоотношения с властью в ходе избирательных кампаний на протяжении 1920-х гг. Приоритетная задача для местных властей на выборах – избрание лояльных партии составов городских советов в первой половине 1920-х гг. – обеспечивалась сложившейся практикой исключения из электорального корпуса неорганизованных слоев населения. Решение об участии «неорганизованного населения» на выборах принималось исходя из политической ситуации в конкретном городе или губернии, соотношения пролетарского и непролетарского населения в городах и других факторов. При этом единой политики государства в отношении участия непролетарских слоев на выборах до 1925 г. еще не сформировалось, высшее руководство не придавало значения способам обеспечения лояльных составов городских советов в этот период.

Либерализация политического курса страны в 1925 г. привела, с одной стороны, к массовому участию непролетарских городских слоев на выборах, с другой, обозначила проблемы с партийным и рабочим составом городских советов. Начиная с 1926 г. высшие органы формируют единые административные подходы в обеспечении необходимых большевикам составов советов, к числу которых относились более жесткие меры по расширению круга лиц, подлежавших лишению прав, и установление дифференцированных норм представительства с выраженными преференциями для рабочих промышленных предприятий и красноармейцев.

Реакция непролетарских слоев городского населения на политические изменения и выборы обуславливались разнородностью их состава и варьировалась от абсолютного равнодушия до выраженного нелояльного поведения к власти. В электоральном поведении это выражалось в высоком уровне абсентеизма, с одной стороны, и протестных формах поведения на выборах, с другой. Подчеркнем, что протестные формы, хотя и не являлись редкими, но масштабы этого протеста существенно преувеличивались местными советскими и партийными работниками, которые, будучи недовольны

⁴ Эйхе Роберт Индрикович (1890–1940) – с 1929 г. – первый секретарь Сибирского краевого комитета ВКП(б), с 1930 г. – кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), с 1937 г. – нарком земледелия СССР. 29 апреля 1938 г. арестован и обвинен в создании «латышской фашистской организации», 2 февраля 1940 г. расстрелян. 14 марта 1956 г. реабилитирован военной коллегией Верховного суда СССР.

расширением нэпа, нагнетали идею угрозы «захвата» советов «социально-чуждыми» слоями советского общества. Для части непролетарских слоев населения были характерны недовольство властью, избирательной системой и в целом ожидания демократизации режима, однако протестные настроения не достигали уровня организации оппозиционных партий или движений и, как правило, не выходили за очерченные властью рамки возможного выражения протеста. Говорить о существовании реальных претензий на власть, готовности бороться за нее у непролетарской части населения не приходится. Относительную сплоченность демонстрировали только немногочисленные группы предпринимателей и кустарей, но они стремились к интеграции в советскую политическую систему, а не конфронтации с ней. Представляется, что прямой угрозы «захвата» городских советов непролетарскими слоями не существовало даже в 1925 г. в разгар политической нэповской либерализации. Другой вопрос, что итоги выборов в советы в 1925–1926 гг. стали серьезным аргументом во внутрипартийной борьбе для сторонников ужесточения политического курса и сворачивания нэпа и дали возможность признать либерализацию 1925 г. неудачным политическим и экономическим экспериментом.

Избирательные кампании 1920-х гг. занимают особое место в электоральной истории Советской России, отражая сложный процесс формирования тоталитарного политического режима. Поиски приемлемой модели существования режима проявлялись в экспериментах и компромиссах во взаимоотношениях с населением. Тактические отступления 1925 г. продемонстрировали способность большевиков чутко реагировать на настроения и недовольство населения, однако опасения «термидора» привели к ужесточению форм взаимодействия с населением, основанных на доминировании административных методов, заорганизованности и безальтернативности, ставшими стандартом проведения советских выборов в 1930–1980-е гг. Выборы, результаты которых были заведомо известны, оказались значительно более органичными для советской политической системы.

Список литературы

Андреев В. П. Руководство Коммунистической партией городскими советами РСФСР (1926–1937). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1990. 227 с.

Балабан Н. Новое в технике выборов : (Оповещение избирателей путем повесток) // Власть Советов. 1926. № 1. С. 2–4.

Валуев Д. В. Лицензы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2003.

Всесоюзная перепись населения 1926 года: краткие сводки : в 10 т. М. : Изд. ЦСУ Союза ССР, 1927–1929. Т. 9. 378 с.

Выборы во всем мире : электоральная свобода и общественный прогресс : энцикл. словарь / сост. А. А. Танин-Львов. М., 2001.

Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. (городские советы, сельские советы, волсезьды, волисполкомы) : статистич. сб. : в 2 ч. / под ред. С. М. Гурвича, Н. А. Котова. М. : Изд-во НКВД, 1926. Ч. 1. 256 с.

Гимпельсон Е. Г. НЭП: была ли возможность «выжить»? // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М. : Изд. центр Ин-та рос. истории РАН. 2001. С. 39–56.

Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. : статистич. сб. М. : Власть Советов. 1930. Вып. 2. Выборы в городские советы. 153 с.

Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. А. Корни или щепки : Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. 2-е изд. М. : РОССПЭН ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 360 с.

Лепешкин А. И. Советы – власть трудящихся (1917–1936 гг.). М. : Юрилич. лит., 1966. 575 с.

Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-е – 1930-е годы). Новосибирск : Сибир. хронограф, 2004. 456 с.

Морозова Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005.

На городском участке классово-борьбы // Власть Советов. 1929. № 14. С. 10–11.
Офицерова Н. В. Апатия как жизненная стратегия городского населения на выборах во второй половине 1920-х гг. // Власть. 2014. № 5. С. 145–148.

Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: партия и власть после революции : 1917–1929 гг. М. : Собрание, 2008. 463 с.

Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации избирательных кампаний в органы Советской власти в 1920-е гг. (на материалах Курского края) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013. 21 с.

Серокурова Л. А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов (1921–1936 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 24 с.

Сорокин А. Работа с неорганизованными избирателями // Власть Советов. 1929. № 6. С. 9–11.

Сухарев А. А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа // Казанская наука. 2014. № 9. С. 43–50.

Тютюник М. В. Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920–1924 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2009. 24 с.

Чугунов С. Как проводились выборы Советов // Власть Советов. 1925. № 7. С. 5–8.

Alexopoulos G. The Ritual Lament // *Russian History*. 1997. Vol. 24. № 1–2.

Alexopoulos G. Rights and Passage : Marking Outcasts and Making Citizens in Soviet Russia, 1926–1936 : Ph. D. diss. University of Chicago, 1996. 276 p.

Fitzpatrick S. Ascribing Class : The Construction of Social Identity in Soviet Russia // *J. of Modern History*. 1993. Vol. 65. № 4.

Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times : Soviet Russia in the 1930s*. Oxford, 1999. 326 p.

References

Alexopoulos, G. (1996). *Rights and Passage: Marking Outcasts and Making Citizens in Soviet Russia, 1926–1936: Ph. D. diss.* 276 p. University of Chicago.

Alexopoulos, G. (1997). The Ritual Lament. In *Russian History*, 24/1–2.

Andreev, V. P. (1990). *Rukovodstvo Kommunisticheskoy partiiy gorodskimi sovetami RSFSR (1926–1937)* [Communist Party's Management of the Russian SFSR City Soviets (1926–1937)]. 227 p. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta.

Balaban, N. (1926). *Novoe v tekhnike vyborov (Opoveshchenie izbirateley putem povestok)* [New Techniques in Elections (Notification of Voters through Summons)]. In *Vlast' Sovetov*, 1, pp. 2–4.

Chugunov, S. (1925). *Kak provodilis' vybory Sovetov* [How Elections of Soviets Were Held]. In *Vlast' Sovetov*, 27, pp. 5–8.

Ergina, N. M. (2011). *Sotsial'nyy portret lits, lishennykh izbiratel'nykh prav za svyaz' s religioznym kul'tom v 1918–1936 gg. na territorii Mordovii* [The Social Portrait of Persons Disfranchised because of Their Involvement with the Religious Cult in Mordovia between 1918 and 1936]. In *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*, 5, pp. 61–67.

Fitzpatrick, S. (1993). Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia. In *Journal of Modern History*, 65/4.

Fitzpatrick, S. (1999). *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. 326 p. Oxford.

Gimpel'son, E. G. (2001). *Nep: byla li vozmozhnost' "vyzhit"?* [The NEP: Was there a Chance to 'Survive'?). In *NEP v kontekste istoricheskogo razvitiya Rossii XX veka* (pp. 39–56). Moscow, Izdatel'skiy tsentr Instituta rossiyskoy istorii RAN.

Gurvich, S. M. & Kokotov, N. A. (Eds.). (1926). *Vybory v Sovety RSFSR v 1925–1926 gg.* [Elections to the Russian SFSR Soviets between 1925 and 1926]. Part 1. *Gorodskie sovery, sel'skie sovery, vols'ezdy, volispolkomy. Statistichesky sbornik*. 256 p. Moscow, Izd-vo NKVD.

Itogi vyborov v Sovety RSFSR v 1929 g. [Soviets Election Results in the Russian SFSR in 1929]. (1930). Iss. II. *Vybory v gorodskie sovery. Statisticheskiy sbornik*. 153 p. Moscow, Izd-vo "Vlast' Sovetov".

Krasil'nikov, S. A., Salamatova, M. S. & Ushakova, S. A. (2010). *Korni ili shchepki. Krest'yanskaya sem'ya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri v 1930-kh – nachale 1950-kh gg.* [Roots or Chips. Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia between the 1930s – Early 1950s]. (2nd ed.). 360 p. Moscow, ROSSPEN, Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina.

Lepeshkin, A. I. (1966). *Sovety – vlast' trudyashchikhsya (1917–1936 gg.)* [Soviets – The Power of Toiling Masses]. 575 p. Moscow, Yurid. lit-ra.

Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920-e – 1930-e gody) [Marginal People in a Society. Marginal People as a Society. Siberia (1920s – 1930s)]. (2004). 456 p. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf.

Na gorodskom uchastke klassovoy bor'by [In the City as a Place for Class Struggle]. (1929). In *Vlast' Sovetov*, 14, pp. 10–11.

Ofitserova, N. V. (2014). *Apatiya kak zhiznennaya strategiya gorodskogo naseleniya na vyborakh vo vtoroy polovine 1920-kh gg.* [Apathy as an Urban Population's Life Strategy in the Elections of the 2nd Half of the 1920s]. In *Vlast'*, 5, pp. 145–148.

Pavlyuchenkov, S. A. (2008). *"Orden mechenostsev": partiya i vlast' posle revolyutsii. 1917–1929 gg.* [The Order of the Brothers of the Sword: The Party and Authorities after the Revolution. 1917–1929]. 463 p. Moscow, Sobranie.

Petrishcheva, N. S. (2013). *Samaya ser'eznaya politicheskaya kampaniya: istoricheskiy opyt organizatsii i provedeniya izbiratel'nykh kampany v Kurskoy gubernii vo vtoroy polovine 1920-kh gg.* [The Most Serious Political Campaign: The History of Election Campaigns in Kursk Governorate in the 2nd Half of the 1920s]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 11, pp. 330–333.

Serokurova, L. A. (2010). *Politiko-pravovye aspekty lisheniya izbiratel'nykh prav grazhdan Krymskoy ASSR v 1920-e gg.* [Political and Legal Aspects of Disfranchisement in the Crimean ASSR during the 1920s]. In *Vestnik MGU. Ser. "Istoriya"*, 1, pp. 76–84.

Sorokin, A. (1929). *Rabota s neorganizovannymi izbiratelyami* [Work with Unorganized Voters]. In *Vlast' Sovetov*, 6, pp. 9–11.

Sukharev, A. A. (2014). *Sostav Tyumenskogo gorodskogo Soveta v gody nepa* [The Structure of the Tyument City Soviet during the New Economic Policy]. In *Kazanskaya nauka*, 9, pp. 43–50.

Tyutyunik, M. V. (2009). *Fenomen sovetskikh izbiratel'nykh kampany 1921–1924 gg. (opyt Dona i Kubani)* [The Phenomenon of Soviet Election Campaigns of 1921–1924]. In *Nauka i shkola*, 6, pp. 65–69.

Valuev, D. V. (2012). *Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoy gubernii i Zapadnoy oblasti)* [Lishentsy in the System of Social Relations (1918–1936)]. 155 p. Smolensk, Madzhenta.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda [The All-Union Census of 1926]. (1928). Vol. 9. 378 p. Moscow, Izdanie TsSU Soyuzu SSR.

The article was submitted on 24.10.2015